

Дмитрий Евгеньевич Костров

*Предавшие
имя своё*

Не пытайся забыть

Дмитрий Костров

**Предавшие имя своё.
Не пытайся забыть**

«Издательские решения»

Костров Д. Е.

Предавшие имя своё. Не пытайся забыть / Д. Е. Костров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744680-2

Когда клянешься своей первой любви, что она будет только твоей до конца жизни — готовься ответить за свои слова. Даже если пройдут годы. Даже если весь род твоей любви принадлежит дьяволу. Дуэль с дьяволом неизбежна.

ISBN 978-5-44-744680-2

© Костров Д. Е.
© Издательские решения

Содержание

Предыстория	6
Пролог	7
1	8
2	9
3	10
4	11
5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Предавшие имя своё Не пытайся забыть

Дмитрий Евгеньевич Костров

© Дмитрий Евгеньевич Костров, 2023

ISBN 978-5-4474-4680-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предыстория

Говорят, время лечит раны. Но это ложное утверждение. Иногда бывает так, что прошлое, которого избегаешь и которое со временем начинает стираться из памяти, становится вновь настоящим и жестоко мстит за забывчивость и дезертирство от боли...

Мне тогда было четырнадцать лет, и я переехал пожить к отцу в станицу, где пошел в школу. Тогда я учился в 9 классе. Я жил и учился в этой станице, познавая, что такое деревенская жизнь. Но вот школа закончилась, и начались экзамены. Близилось мое время возвращения в город. И вот, когда после экзамена по алгебре, который я сдал на отлично, и в приподнятом настроении возвращался домой, произошел случай, который впоследствии станет роковым для многих людей и перевернет все мое представление о жизни.

Девочка переходила дорогу. Посреди дороги она вдруг остановилась и в изумлении посмотрела на свои ноги, будто они ей изменили и отказываются идти вперед. Впрочем, как я узнал впоследствии, так и было. А в этот момент из-за поворота выехала грузовая «Газель» и, набирая скорость, помчалась на девчонку.

Кстати говоря, я в тот момент тоже переходил дорогу, а потому особого героизма в моем поступке не наблюдается. Не мудрствуя лукаво, я просто схватил девчонку за руку и силой перетащил ее на тротуар.

Когда я схватил девочку за руку, меня окатила ледяная волна страха. Но я списал это на тот факт, что в «Газели», которая промчалась мимо и, не останавливаясь, слетела в обрыв, – никого не было. Машиной никто не управлял. Тот факт, что я своими глазами видел, как машина плавно поворачивала на повороте, а потом набирала скорость, – я поспешил выкинуть из головы...

Девочку звали Таней. Ей также, как и мне было четырнадцать лет, и в этой девочке со светлыми волосами и пронзительно зелеными глазами уже отчетливо вырисовывалась странная заганность в глазах. Ее первый вопрос после спасения немного загнал меня в тупик.

– Ты сам понимаешь, что ты сделал? – детский бархатный голос накрыл меня мягким одеялом.

– Кажется я стащил кое-кого с дороги, когда на этого кое-кого чуть не наехала машина.

Весь оставшийся месяц мы встречались с Таней каждый день, и в моем мальчишеском сердце начало что-то зарождаться по отношению к этой девочке. Мне нравилось общаться с ней. Мне она казалась очень умной, а я не боялся показаться ей дураком. Но ни разу я не услышал ее смех...

Иногда я называл ее маленькой девочкой с глазами волчицы. А однажды она сказала одну странную вещь:

– Я принадлежала дьяволу, но ты спас меня.

– Пофиг на дьявола, – ответил, не задумываясь, я. – Ты будешь только моей.

Сказал и сделал первую роковую ошибку.

– Клянешься Богом? – со странной надеждой в голосе спросила она.

– Клянусь Богом! – ответил я. И сделал вторую роковую ошибку.

Я не придал тогда значения ее словам, тем более, что Таня больше никогда не заводила разговоров о чем-либо мистическом. Пока сама не стала мистикой.

Пролог

Три года спустя.

Запах жасмина ударил в нос. Я знал, что в комнате нет никаких цветов, и что стоит мне открыть глаза, как исчезнут и запах, который преследовал в течение года, и странный сон о Тане, о которой я уже и думать забыл.

Мой отец переехал в столицу, и резона ехать в станицу я не видел. У Тани наверняка своя жизнь, свой парень. Все нормально. Но эти чертовы сны...

Мне постоянно снится, что я приезжаю в эту станицу и иду к Тане. А вокруг густой туман. Я иду по главной дороге, никого нет. Ни людей, ни животных, ни наглых гусей, вечно ковыряющихся в грязных лужах на обочинах дороги. Но вот сквозь туман проступает человеческий облик.

И я узнаю Таню. Я подхожу ближе, я смотрю в ее глаза, тону в этих изумрудах. Но в трех шагах от нее что-то происходит. Я делаю шаг к Тане, а она на шаг удаляется от меня, при этом не делая никакого движения и стоя лицом ко мне. И я бегу, протягиваю к ней руки, ведь вот она, в трех шагах от меня, но я не могу больше приблизиться к ней ни на шаг.

Иногда во сне я понимаю бесплодность своей затеи приблизиться к Тане, и я просто стою и смотрю на нее. Иногда пытаюсь говорить, но на все мои вопросы Таня не реагирует. И так каждую ночь...

Но этой ночью что-то изменилось. Вначале все было как обычно. Густой туман и я собственной персоной. Я иду по пустынной главной дороге станицы. Вот из тумана выступает фигурка Тани. Я осторожно приближаюсь. Остается пять шагов, четыре, три... И уже по инерции я делаю еще шаг. Татьяна осталась на месте, я сделал шаг... Стоя в шаге от нее, я мечтал только о том, чтобы прикоснуться к ней, но даже во сне мне почему-то становится неловко. Но Таня сама берет мою руку в свою, и я слышу ее бархатный голос.

– Проснись. Идет твое крещение огнем.

Но я не хочу просыпаться. Я просто хочу смотреть в ее глаза... Но вдруг из этих глаз, прокладывая себе дорожку по щекам, начинают течь слезы... А в следующий миг это уже не слезы, а тонкие струйки крови...

Ледяная волна страха окатывает меня с ног до головы, и я просыпаюсь. Я лежал с закрытыми глазами и вдыхал запах жасмина, прокручивая в памяти свой сон. Пока запах жасмина не исчез, я не открывал глаз. Но когда он исчез, я в панике открыл глаза, ибо удушающий запах гари ворвался в мои легкие. С правой стороны от моего дивана находилось окно... А с левой стороны пылал огонь. Недолго думая, я распахнул окно и, почувствовав, как на затылке затрепали волосы, прыгнул вниз со второго этажа.

1

Три года спустя.

Нормальные люди возвращаясь с армии возвращаются домой. У меня был билет до самого дома, и я мог не беспокоиться ни о чем и спать все двое суток пути. Но ни у одного человека на этом свете не происходило что-то так, как он это себе планировал. На одной из остановок я вышел покурить.

– Что это за остановка? – спрашиваю у проводника.

– Это станция Егойная.

Знать такую не знаю. Я спрыгнул на перрон и закурил. Поглядывая по сторонам, я заметил, как из привокзального магазина вышла красивая девушка в красном платье и накинутой на плечи легкой куртке. Кто-то спросил у меня зажигалку, и я на минутку отвлекся. А когда вновь поднял глаза в ту сторону, девушки уже и след простыл.

Девушка очень напомнила мне Таню, но...

Год назад отец написал мне письмо, что в станице, где он жил, был взрыв в одном из магазинов, где как раз и работала Таня.

Вообще-то перед армией я умудрился жениться. И после пожара мне Таня снится перестала. Но все равно я очень часто ее вспоминал. Да и жена меня бросила. Больно... Но эта боль ничто, по сравнению с той, что появилась, когда я узнал о гибели девочки, которую не видел шесть лет. И даже сейчас мысль о ней принесла что-то унылое в мое сердце.

– Солдатик, помоги мне. – Какая-то бабуля с двумя огромными сумками пыталась оторвать вышеупомянутые сумки от земли.

– Конечно, бабуль! – я чуть не надорвался, когда поднял эти сумари.

– Помоги мне перенести их к магазину.

А вокзал, где был магазин, находился через две платформы. Надеюсь, что поезд никуда без меня не уедет, я потащился к переходу. Когда я вступил на перрон, дикий страх заставил меня выпустить сумки из рук.

Станица Егойная. Как я мог забыть.

Резко похолодало, и, клубясь, зловеще тихо со всех сторон стал подкрадываться туман... А за спиной не было никакого поезда, только бабуля, мерзко ухмыляясь, растворялась в тумане.

2

Такой тишины не бывает даже в склепе. Ни шума ветра, ни вообще никакого шума.

Из под-сумок, которые я уронил, растекалась лужа чего-то красного. Наверное, я что-то разбил. Искренне надеясь, что я заснул на своей полке в поезде и вот-вот проснусь, я прошел в магазин, в котором никого, кроме продавца, не было.

– Здравствуйте, – сказал он мне, когда я подошел.

– Здравствуйте, – и не придумав ничего умнее, спросил: – Пиво есть?

– Нет. Из алкоголя только вино на розлив.

– Давай, – хотя я вообще-то не хотел пить что бы то ни было, но что-то заставляло меня все это говорить.

– Выбор небольшой. Есть белое вино «Слёзы Татьяны» и красное – «Кровь Татьяны». Вам какого?

«Пора бы уже проснуться», – подумал я, находясь в прострации.

– Ну так что выбираешь?

– Если это шутка, то не очень смешная.

– По-моему очень даже смешная. Как и та, когда ты поклялся отобрать Таню у меня.

– Кто ты? – спросил я, чувствуя, что начинаю злиться.

– Он самый. Я давно тебя жду, а ты все не едешь и не едешь. Я уже обижаться было начал, переживал за тебя.

– Что за чушь ты несешь?

В следующий миг лицо продавца утратило свою человечность, и на меня взглянул ОН.

Сразу пришло понимание, что это именно ОН. От его ненависти и гордости во взгляде, казалось, плавится мозг. Я рухнул на пол, полностью перестав чувствовать свое тело.

– Не ушибся? – заботливо спросил Отец Ада.

Но я был не в силах отвечать. Ужас полностью парализовал меня.

– Иди, попробуй отбери теперь Таню у меня.

– Но она же мертва, – прохрипел я, набравшись сил.

– И что дальше? Это какая-то проблема для тебя? – на меня сверху вниз снова смотрело лицо продавца.

Не найдя что ответить, я поднялся с пола, хотя холодные щупальца страха по-прежнему держали меня. Когда я оказался на ногах, то обнаружил, что нахожусь в магазине один. Продавец, или кто он там был на самом деле, таинственным образом исчез.

– Что-то сон затягивается, – равнодушно подумал я, открыв холодильник возле прилавка. Пива было более, чем достаточно, но я достал лишь железную банку колы. За моральный ущерб довольно мизерная компенсация.

3

На улице мое внимание привлекли те две сумки, что я обронил при входе на перрон. А привлекли они меня тем, что, находясь в луже чего то красного, начали шевелиться сами собой; что шевелились не они, а то что находилось у них внутри.

Вскоре сумки разорвались, как бумага, и перед моими глазами явились два пса. Освеженные. Большие. Видно, когда на них были шкуры с шерстью, они являлись упитанными кавказцами. Стоит ли говорить, что псы не гавкали и не рычали. Кроме моего дыхания не раздавалось ни звука. Даже когда эти два куска кровоточащего мяса поперли на меня, звук ступающих по земле лап не донесся до моего слуха.

В какой-то момент я заметил пар, вылетающий у меня изо рта, и отсутствие оногo над мордами скалящихся собак.

И я побежал.

Я выбежал с привокзальной площади, краем глаза заметив, что собаки бежать не стали. Немного успокоившись, я перешел на шаг. По обе стороны дороги, по которой я шел по направлению к станции как таковой, тянулся лес, особо разглядеть который мне не давал туман. Тишина давила. Не было слышно ни ветра, ни птиц, ни чего бы то ни было.

Я вспомнил, как во сне бегал за Таней по этой дороге и мне стало еще холодней, чем было.

– Куда идти? – задался я вопросом, и вспомнил, что, хотя отец и переехал отсюда, в Егойной жила моя бабушка, мать отца.

– Вот к ней и пойду! – решил я, обо что-то споткнувшись. Как оказалось, об оторванную по локоть чью-то руку, на безымянном пальце которой красовалось золотое кольцо. Особо бурных эмоций по поводу валявшейся на дороге руки без тела у меня не возникло.

Вздыхнув, я отвернулся и пошел дальше по дороге, на ходу пытаюсь прикурить сигарету. А когда закурил, зачем-то обернулся. Руки на асфальте уже не было.

4

Бабушкин дом стоял на краю большого поля, которое все почему-то называли планом. Утопая по щиколотку в грязи, я подошел к калитке, высота которой мне была по пояс. Впрочем, как и весь забор. Я толкнул калитку... ну она и упала.

Я прошел во двор, поднял и поставил на место вышеупомянутую калитку. Обычно (наверное, в любом доме), за такую дерзость я был бы сто раз облаян хозяйскими собаками. Ну или хотя бы собакой. На меня никто не лаял. Никто не мяукал, не мычал, не хватал и не кусал и даже не хрюкал.

Обычно, все эти «исполнения» были слышны еще задолго до подхода к бабушкиному дому. Собственно, и запах «исполнителей» тоже ощущался задолго от дома. Сейчас его не было. Вернее запах был, причем по всей станице. Но какой-то мерзкий, еле уловимый. Так воняет только начавший разлагаться труп.

Но вернемся к нашим баранам, то есть ко мне. Я прошел через двор и в задумчивости постучал в дверь. Отсутствие какой бы то ни было реакции меня уже не удивило. Никого живого я не встречал за час своего блуждания по станице.

Я потянул дверь, и она гостеприимно распахнулась. Пройдя мимо шеренги выстроенных калош, сапог и одной сиротливый пары женских туфель, я вышел на кухню. Никого. В двух прилегающих к кухне комнатах тоже никого не было.

Я зашел в комнату деда. Здесь, насколько я помнил, бабушка хранила дедовы и отцовские вещи. В своей форме я уже успел задубеть, а потому с радостью вытащил из шкафа отца черные джинсы, чей-то свитер, и отца же черный кожаный плащ, который своим весом ненамного уступал весу моему.

Переодевшись, я сложил свою форму в шкаф. Калоши мне обувать не хотелось и потому я вновь натянул свои берцы.

Выйдя во двор и не найдя дров, я с сожалением отказался от мысли затопить печку. В начале октября у нас на Кубани мало кто топит печь. Но благодаря туману, который и не думал рассеиваться, я основательно продрог, хотя благодаря отцовской старой одежде мне стало немного теплей.

Темнело. Я прошёл в дом и щелкнул выключателем. Света не было.

Закрыв дверь на замок, вернее на засов, я прошел в комнату деда и не раздеваюсь лег на одну кровать, стащив одеяло с другой, сбросив под оную свои вещи. Засыпая, я молился о том, чтобы проснуться в поезде на своей полке.

5

Проснулся я от того, что загорелся свет. Ругнув себя за то, что, щелкнув выключателем, не выключил его обратно, я открыл глаза и уставился в стену. Так как смотреть было не на что, я решил перевернуться на другой бок. И перевернулся.

Краем глаза я успел заметить на кровати в противоположном углу давешнего продавца, задумчиво смотревшего на меня, а потом я уже не мог ничего замечать. Ибо смотрел в изумрудные глаза той, что лежала подле меня.

Татьяна. Обнаженная. Я чувствовал ее тепло даже сквозь одеяло и свою одежду.

– Живая! – успел подумать я. А потом потерял сознание.

Когда я проснулся, свет не горел, но в комнате все равно было светло, ибо уже рассвело. Не вставая с кровати, я посмотрел в окно. А с той стороны окна на меня смотрел туман. Задумавшись о ночном происшествии, я пришел к выводу, что мне все это приснилось. Но взглянув на соседнюю кровать, я пришел к совершенно иному выводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.